

УДК 821.161.1

РАССКАЗ А. Т. АВЕРЧЕНКО «КУЛИЧ»
ИЗ СБОРНИКА «ДЕТИ»

Салова Ольга Ильинична,

*соискатель кафедры русской литературы XX века
Московского государственного областного университета
(г. Москва, РФ);
e-mail: savi85@yandex.ru*

В статье рассматривается образный строй рассказа А. Т. Аверченко «Кулич», его взаимосвязь с биографией автора, являются художественные средства, использованные писателем для создания комического эффекта. Проводятся параллели с ситуациями из произведений Л. Н. Толстого и М. Горького.

Ключевые слова: *А. Т. Аверченко, рассказ «Кулич», детские образы, автобиографический рассказ, комический эффект, фразеологизм.*

Личность и творчество Аркадия Тимофеевича Аверченко привлекают внимание литературоведов достаточно давно. Наиболее изученной на данный момент является биография писателя. Так, в 1973 году, в Вашингтоне, была издана книга Д. А. Левицкого «Жизненный путь Аркадия Аверченко» [5]. В Советской России «новое»

знакомство с писателем произошло благодаря составленному О. Н. Михайловым и вышедшему в 1964 году с его предисловием сборнику рассказов. Затем литературоведы Л. А. Спиридонова и С. С. Никоненко начали большую работу по включению творчества Аверченко в контекст историко-литературного процесса XX века.

Однако при этом задача проведения подробного литературоведческого анализа рассказов из многочисленных сборников А. Т. Аверченко до сих пор остаётся нерешённой. Актуальность и новизна нашей работы обусловлены тем, что рассказ «Кулич» из сборника «Дети» впервые становится объектом научного изучения. Этому произведению писателя ещё ни разу не было уделено пристальное внимание исследователей. Целью данной статьи является последовательное рассмотрение системы образов и сюжетного развития рассказа в их тесной взаимосвязи с автобиографическими и языковыми аспектами повествования.

Кроме того, само обращение к тексту рассказа «Кулич» призвано способствовать выполнению одной из важнейших, на наш взгляд, задач, а именно: введению творчества А. Т. Аверченко в современную образовательную среду. Мы убеждены, что произведения писателя представляют собой интереснейший материал для преподавания русской литературы 1910–1920-х годов в самых разных учебных заведениях: школе, лицее, гимназии, кадетском корпусе.

В качестве примера подобного опыта можно привести учебник-хрестоматию для шестого класса общеобразовательных школ (под редакцией Т. Ф. Курдюмовой), куда был включён рассказ А. Т. Аверченко «Смерть африканского охотника». Однако рассказ «Кулич», по нашему мнению, гораздо больше подходит для школьного изучения. Он понятен и близок современным детям по своей проблематике: взаимоотношения с родителями и сверстниками, вопросы совести и долга – «вечные» темы детской и подростковой жизни.

Для грамотного преподавания, для пробуждения интереса к творчеству любого автора необходим не только биографический материал и тексты произведений – необходимы векторы, по которым читающий и преподающий должны следовать. На данный момент,

к сожалению, подобных векторов для творчества Аверченко намечено слишком мало. Поэтому при рассмотрении рассказа «Кулич» мы посчитали необходимым уделить особое внимание не только образам героев, соотносению биографии писателя с сюжетной линией рассказа, выявлению художественных средств, использованных для создания комического эффекта, но и тем нравственно-философским вопросам, которые затрагивает А. Т. Аверченко в своём произведении.

Интерес к миру детства, к проблемам формирования личности ребёнка был характерен для писателя на протяжении всего его творческого пути. Следует подчеркнуть, что к детям Аверченко относился с особой нежностью: «Надо признаться, что из всех цветов я люблю больше всего гвоздику; а из всех человек милей всего моему сердцу дети» [2, с. 194]. Однако в наибольшей степени внимание писателя к детской теме проявилось в его произведениях, созданных в период эмиграции. Если первоначально в его рассказах юные герои занимали совсем небольшое место, то со временем, когда на глазах Аверченко развернулись драматические исторические события, усилилось его разочарование в революции и новом, утверждавшемся в России, строе, его взгляд сосредоточился именно на детях.

Объясняя это явление, А. В. Коротких в своей диссертации «Детские образы в юмористической прозе Саша Чёрного, А. Аверченко и Тэффи» пишет: «Опубликованный в 1922 году в Константинополе сборник Аверченко „Дети“, рассказы „Трава, примятая сапогом“ (1919), „Зимний вечер в детской“ (сб. „Отдых на крапиве“, 1924), творчество для детей в годы эмиграции <...> свидетельствуют о том, что творчество о детях и для детей помогло выстоять в тяжелейших жизненных обстоятельствах, провоцировавших сатириков на мрачную злобу, выжигающую иронию, сарказм в пасквилях и памфлетах против жестокостей истории» [4, с. 198].

Действительно, детскую тематику в творчестве А. Т. Аверченко нельзя назвать случайной – испытывая искреннюю любовь к ребёнку, писатель всерьёз задумывается: возможно ли вырастить полноценную личность в условиях революционного времени? Не находя ответа на этот вопрос, автор обращается к воспоминаниям.

Сборник «Дети», созданный в 1916–1921 годах, состоит из введения и восьми рассказов, и только один из них – «Продувной мальчишка» – посвящён послереволюционному времени. Все остальные произведения здесь либо носят автобиографический характер («Введение», «Три жёлудя», «Душистая гвоздика», «Кулич»), либо отражают дореволюционные события («Под столом», «Разговор в школе», «Костя»).

Сборник «Дети» вышел в 1922 году в Константинополе, куда Аркадий Тимофеевич Аверченко эмигрировал в ноябре 1920 года из Севастополя. Именно в Севастополе, в марте 1920 года, впервые был напечатан в «Пасхальной газете Аркадия Аверченко» рассказ «Кулич» [2, с. 424], который, без сомнения, носит автобиографический характер. Повествование в нём начинается с диалога отца и сына, в которых без труда узнаются Аркадий Тимофеевич Аверченко и его отец, Тимофей Петрович. Образ отца появляется во многих рассказах автора, и характеристики его часто довольно противоречивы.

Так, например, в «Автобиографии» писателя можно прочесть: «Отец мой, будучи по профессии купцом, не обращал на меня никакого внимания, так как по горло был занят хлопотами и планами» [1, с. 6]. В «Смерти африканского охотника» отмечено: «Не знаю, кто из нас был большим ребёнком – я или мой отец» [1, с. 282], а в «Куличе» дано ещё одно заключение: «Хотя отец был большой умный человек, но в этом деле он ничего не понимал» [2, с. 197].

Подобную разноречивость суждений комментирует В. Д. Миленко, современный исследователь и биограф писателя: «<...> С какой иронией и любовью Аверченко вспоминал о своём отце, который, судя по приведённым диалогам, обладал изрядным чувством юмора. Писатель всю жизнь размышлял над тем, что за человек был Тимофей Петрович. Он и упрекал его за то, что тот мало уделял ему в детстве внимания, что заставил в 15 лет зарабатывать деньги, и в то же время писал о нём с такой бесконечной теплотой!» [7, с. 21].

Именно «замечательным предложением» [1, с. 197] заработать рубль открывается рассказ. Одной из особенностей юмористики Аверченко является динамично развивающийся сюжет – безуслов-

но, продиктованный спецификой фельетонов и рассказов, написанных для журналов: возникновение конфликтной ситуации, её кульминация и развязка происходят в рамках небольшого по объёму произведения.

Диалог отца и сына сразу представляет нам завязку действия: перспектива получить деньги манит мальчика, но озвученное задание – пойти в церковь и освятить кулич – заставляет его «сразу осесть, обмякнуть и нахмуриться» [1, с. 197]. С детской изобретательностью мальчик придумывает отговорки: он не может идти, потому что он «маленький». Разумеется, при этом он ясно понимает, что кулич освятит священник, о чём и говорит отец: «Да ведь не сам же ты, дурной, будешь святить его! Священник освятит» [1, с. 197].

В коротком обмене репликами выразительно проступают юмористические черты повествования – так, пытаясь убедить сына сходить в церковь, отец на отговорку: «Мальчики будут меня бить», – «презрительно скривился», назвав юного героя «казанской сиротой» и обвинив в том, что он «сам их лупцует, где только ни попадутся» [1, с. 197].

Экспрессивность определений и глаголов (презрительный, скривился) сочетается здесь с ироничностью фразеологизма «казанская сирота» («человек, прикидывающийся несчастным, обиженным» [11, с. 94]) и просторечностью слова «лупцуешь» («сильно бить, хлестать» [8, с. 327]). Таким способом автор создаёт впечатление живой разговорной речи, когда собеседники не выбирают слов и выражений, а пользуются всем объёмом своего лексического запаса.

Кроме приёма создания комического, такое сочетание слов в юмористическом рассказе служит выразителем изменения настроения собеседника: вначале отец спокоен, пытается договориться с мальчиком, предлагая ему деньги, а под конец диалога начинает горячиться, готовится применить родительское воздействие на непослушного ребёнка.

Маленький герой интуитивно это чувствует, и следующая часть рассказа представлена в виде его не озвученных вслух размышлений о причинах нежелания идти в церковь: «Существовали два раз-

ряда мальчиков: одни меньше и слабосильнее меня, и этих бил я. Другие больше и здоровее меня – эти отделявали мою физиономию на обе корки при каждой встрече» [1, с. 198]. Этот эпизод имеет непосредственное отношение к жизни маленького Аркадия в Севастополе: «В те годы между детьми разных районов Севастополя шла необъявленная война» [7, с. 17]. Поскольку братьев у Аверченко не было, только сёстры, мальчику в веснушках, с очками на носу – плохое зрение у писателя было с детства – приходилось самому обороняться от хулиганов.

Глубокомысленный комментарий: «Как во всякой борьбе за существование – сильные пожирали слабых» [1, с. 198], – звучал бы просто как афоризм, но далее автор описывает многочисленные драки мальчишек, происходившие по разным причинам. Подобный приём – использование философских изречений с последующим доказательством их при помощи незамысловатых бытовых ситуаций – даёт рассказу очередную комическую составляющую.

Многочисленные фразеологизмы разной стилистической окраски придают тексту выразительность, причём Аверченко умышленно расширяет и смешивает устойчивые сочетания, делая их окказиональными. Рассмотрим некоторые из них.

Фразеологизм «отделявали мою физиономию на обе корки» состоит из собственно русского фразеологизма «распекать на все/обе корки» («сильно ругать» [11, с. 201]), в котором произошла замена глагольного компонента: вместо «распекать» – «отделявать», в просторечном значении – «выругать, выбранить, а также избить» [8, с. 460]. Смешение служит двум целям: усилению экспрессивности внутреннего монолога мальчика и созданию юмористического эффекта. Кроме того, можно предположить, что лёгкость правильного использования в речи фразеологизмов демонстрирует культурный уровень мальчика, потому что, по мнению В. Н. Телия, «воспроизводимость фразеологических знаков способствует межпоколенной трансляции культурно значимых установок и тем самым – формированию в процессах овладения и употребления языка культурного самосознания» [9, с. 14].

Герой рассказа «Кулич» не только грамотно оперирует устойчивыми единицами, смешивая их, – он способен создавать соб-

ственные, переносные значения фразеологизмов в соответствии с речевыми задачами. Например, мы видим игру смыслов в сочетании «вымещали на мне эту дружбу» [1, с. 198]. Значение глагола «выместить» – «удовлетворить свою обиду, неудовольствие, причинив зло кому-либо» [8, с. 111] переносится на слово «дружба» («близкие отношения, основанные на взаимном доверии» [8, с. 177]). В тексте данное выражение служит для придания иронического оттенка словам мальчика: с кем бы из своих противников он ни подружился, дело неизменно кончалось дракой, потому что у новых друзей тоже были враги.

Чаще всего в рассказе встречается устойчивое сочетание слов: дать по морде/хватить по морде (в значении – нанести побои). Это неудивительно, если помнить, что любой выход на улицу оборачивался дракой – или герой был бит, или сам оказывался зачинщиком и победителем в схватке.

Особое выражение – «припаять блямбу» – автор сопровождает замечанием: «Местное аргю!» [1, с. 199]. Из такого короткого юмористического комментария становится очевидно, что даже речь служила единственной цели: отразить происходящие между мальчиками драки, и возникновение подобных жаргонных выражений было обусловлено именно этим явлением. Поскольку «блямба» – это «что-то выпуклое, резко и грубо выделяющееся» [8, с. 49], можно заключить, что этот арготизм образовался по принципу сходства явлений: шишка тоже представляет собой выпуклость на теле.

Окказиональная контаминация фразеологизмов, использованная Аверченко, является весьма характерной особенностью его идиостиля. Можно сказать, что в данном рассказе, как и во многих других, применение «подобных выражений сокращало дистанцию между официальным языком и разговорным, что создавало эффект тесной связи с читателями» [13, с. 43].

Кроме анализа фразеологизмов, интерес вызывают также имена и фамилии друзей и врагов героя: Киря Алексомати, Григулевич, Павка Макопуло, Рафка Кефели, Христа Попандопуло. Объяснение этому находим в книге Виктории Миленко из серии «Жизнь замечательных людей» об Аркадии Тимофеевиче: «Севастополь 1880-1890-х годов был весьма многонациональным городом: греки, караимы,

татары, евреи, немцы, украинцы, русские. Отсюда и экзотические имена детских товарищей» [7, с. 20].

Дружба с представителями разных национальностей и конфессий навсегда убедила автора в том, что нужно ко всем относиться уважительно, проявляя внимание и терпимость. В юном возрасте можно развить в себе очень полезное качество – толерантное отношение к окружающим: «У философов и детей есть одна благородная черта – они не придают значения никаким различиям между людьми – ни социальным, ни умственным, ни внешним» [1, с. 187]. Севастопольское детство помогло будущему редактору «Сатирикона» – одного из самых популярных печатных изданий своего времени – научиться правильно выстраивать взаимоотношения с людьми: подчинёнными, членами редколлегии, поклонниками.

Говоря о Севастополе, автор представляет читателю и архитектурный ансамбль города: раздумывая, в какой именно храм идти, герой вспоминает Петро-Павловскую церковь, в которой был крещён, Владимирский собор, Морскую и Греческую церковь. Последняя представляется мальчику наиболее привлекательной: там собирается его компания, «можно носиться по всей ограде, отправляться на базар в экспедицию за бочками, ящиками и лестницами, которые тут же в ограде торжественно сжигались греческими патриотами», кроме того, «будет Андриенко, которому надлежит получить свою порцию» [1, с. 199]. Как очевидно из этого описания, мальчик не собирается святить кулич – он сетует на тягостную обязанность: «узел из кулича, полдюжета яиц и кольца малороссийской колбасы должен был связать меня по рукам и ногам» [1, с. 199].

Аверченко для выражения возмущения своего юного героя использует очередной фразеологизм: «связать/связывать по рукам и ногам» – «лишать возможности свободно, самостоятельно действовать, ставить кого-либо в полную зависимость от определённых условий, предъявляемых жёстких требований» [6, с. 601]. Так создаётся юмористическая антитеза: освящение кулича является смыслом похода ребёнка в церковь, но определяется им как досадная помеха.

Итогом размышлений мальчика становится обман: он решает «надуть старика» [1, с. 200], спрятав приготовленную к освящению

пищу под деревянное крыльцо. Тут требует пояснений характеристика «старик»: «Когда родился Аркадий, его отцу было уже сорок лет, поэтому мальчик вполне мог воспринимать его как старика» [7, с. 22].

Собираясь в храм, герой даже не скрывает своего настроения, говоря: «Давайте рубль и пасху вашу несчастную» [1, с. 200]. Мальчик в данном случае чётко разделяет свой интерес – желание получить рубль, и интересы семьи – получение освящённых продуктов, намеренно употребляя местоимение «вашу», то есть, проводя черту: я/вы.

Описанный момент напоминает один из эпизодов автобиографической трилогии М. Горького «Детство. В людях. Мои университеты». Алёше Пешкову хозяева, у которых он живет «в людях», дают деньги, чтобы он купил просфору на службе в церкви, а он эти деньги проигрывает в бабки и боится, что дома его будут спрашивать, сколько и кому он в церкви подал милостыню: «Прогуливал я и обедни, особенно весною, – неборимые силы её решительно не пускали меня в церковь. Если же мне давали семишник на свечку – это окончательно губило меня: я покупал бабки, всю обедню играл и неизбежно опаздывал домой» [3, с. 239].

Собственные интересы мальчиков заставляют их уклоняться от религиозного долга. Но только ли их вина в подобном поведении?

Желание верить в Бога, потребность в общении с Ним должна закладываться систематично в шкалу ценностей человека с раннего детства. При этом семья и ближайшее окружение показывают ребёнку пример духовности, радуясь возможностям выражения своей веры: церковным праздникам, службам, чтению священных книг. Когда религия становится лишь определённым шаблоном, заключающимся в наборе сакральных действий: верба на Вербное воскресенье, кулич на Пасху, веточки берёзы на Троицу – нельзя говорить о подлинной, идущей от сердца вере. Любовь к Богу нужно прививать постепенно, делая её органической потребностью формирующейся личности.

Примером такого воспитания служит главный герой автобиографического романа И. С. Шмелёва «Лето Господне» – Иван. Пе-

реживания мальчика, который ждёт наступления Светлого Христова Воскресения, поведение его отца не имеют ничего общего с отношениями в семье Аверченко: «Отец надевает летний пиджак и начинает оправлять лампы. Это он всегда сам: другие так не умеют. Он ходит с ними по комнатам и напевает вполголоса. <...> И я хожу с ним. На душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать» [12, с. 329]. Ребёнка, готовящегося к празднику, переполняет ощущение счастья и любви к Богу и людям – такой сильной, что на глаза наворачиваются слёзы.

Возможно, в семье Аверченко, где чаще всего помыслы отца были направлены на материальное благополучие, религиозному воспитанию уделялось недостаточно времени. Однако и говорить о бездуховности писателя, являющегося прототипом героя рассказа, нельзя. Каждый может совершить проступок, но только истинно верующие люди способны покаяться. Описывая своё состояние по дороге домой из церкви, герой признаётся: «Сердце щемило, душа болела, и с каждым шагом к дому эта боль всё увеличивалась» [1, с. 201].

Мальчик рассуждает о Боге так по-детски наивно, что сама форма этих мыслей вызывает улыбку: «Я, может, в Бога не верую, но вдруг всё-таки Бог есть и Он припомнит мне все мои гнусности: Андриенку бил в такую святую ночь, кулича не освятил да ещё орал на базаре во всё горло не совсем приличные татарские песни, чему уж не было буквально никакого прощения» [1, с. 201].

Перечень «грехов» и боязнь наказания от таинственного Бога не оставляют никаких сомнений: внешне легкомысленное отношение скрывает подлинную, хотя, может быть, не вполне осознанную веру ребёнка во Всемогущего Создателя. Мальчик абсолютно уверен, что Господь знает все его грехи, что Он способен его покарать. Мысль о прощении его проступков милостивым Богом не приходит в голову герою – он судит себя сам, не видя оправдания своему поведению, не рассчитывая на поблажки. Детские переживания выглядят очень трогательно, и, описывая их, Аверченко затрагивает очень важные религиозные вопросы – о грехе, покаянии, возмездии. Эта вечная тема, всегда находившая своё отражение в литературе, представлена в данном рассказе в юмористическом

ключе: как страшную карувоспринимает мальчик собаку, съевшую колбасу и обглодавшую кулич, а зрелище семьи, севшей за пасхальный стол разговеться куличом, вызывает ужас: «Едят! Несвящёный! Пропала вся семья!» [1, с. 201]

Взаимоотношения детей и Бога, основанные, с одной стороны, на страхе наказания за ужасный, как кажется ребенку, грех, и, с другой стороны, на ожидании милости за покаяние – вот парадокс, осмысляемый Аверченко по-особому, но, тем не менее, в духе христианских традиций русской литературы. В этом плане возможно, на наш взгляд, сопоставить рассказ писателя с главой «Исповедь» из автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность»: «Я уже засыпал, перебирая воображением все грехи, от которых очистился, как вдруг вспомнил один стыдный грех, который утаил на исповеди. Слова молитвы перед исповедью вспомнились мне и не переставая звучали у меня в ушах. Все мое спокойствие мгновенно исчезло. „А ежели утаите, большой грех будете иметь...“ – слышалось мне беспрестанно, и я видел себя таким страшным грешником, что не было для меня достойного наказания. Долго я ворочался с боку на бок, передумывая свое положение и с минуты на минуту ожидая Божьего наказания и даже внезапной смерти, – мысль, приводившая меня в неописанный ужас. Но вдруг мне пришла счастливая мысль: чем свет идти или ехать в монастырь к духовнику и снова исповедаться, – и я успокоился» [10, с. 220].

Желание очиститься от греха, освободиться от угрызений совести – одно из лучших свойств детского характера. Мальчикам страшно жить не в ладу с собой, и в эти моменты им на помощь приходит вера в Бога: возможность покаяния и прощения делает счастливым каждого человека.

Героя рассказа Аверченко мучает совесть: «Спал я плохо – душили кошмары» [1, с. 201]. Переживания и стыд за содеянное мешают детям уснуть, потому что натуре ребёнка противен любой обман и притворство.

Традиция покаяния, запечатлённая писателем, перекликается с той, которую описывает Толстой: у Аверченко мальчик, увидевший семью за праздничным столом, испытал потребность вымолить

прощение – он «тут же вознес к Богу наскоро сочиненную молитву: «Отче наш! Прости их всех, не ведают бо что творят, а накажи лучше меня, только не особенно чтобы крепко... Аминь!» [1, с. 201].

Ребёнок боится возмездия, поэтому просит Бога смягчить его – наказывать «не особенно чтобы крепко». Простодушная просьба мальчика, которому рубль, полученный от отца за освящение кулича, кажется «преступным», заставляет читателя искренне сопереживать герою.

Аверченко рисует картину «возмездия» поистине комически: оно предстаёт в виде «цыгана с большим кувшином красного лимонада» [1, с. 202], который выманивает у мальчика рубль, предлагая ему охлаждённый напиток, и убегает от него, притворившись, что увидел знакомого.

Описание этого события опять даётся нарочито высокопарно: «Радость встречи с загадочным Абдраманом совершенно изгнала в его цыганском сердце материальные обязательства перед покупателем» [1, с. 202]. Благодаря причудливому смещению лексики – красочные эпитеты, устаревшая словоформа «изгнать», канцеляризм «материальные обязательства» – создаётся впечатление философского рассуждения умудрённого жизнью человека с большим опытом, тогда как перед читателями – обыкновенный мальчишка.

Ребёнку свойственна перемена настроений: дети не умеют долго печалиться. Об этой особенности возрастной психологии Аверченко хорошо знал – поэтому, идя на утреннюю прогулку, его герой уже не чувствует отчаяния, необходимости покаяться в грехе. Он помнит о своём проступке, но радость встречи с друзьями, прекрасный праздничный день заслоняют события и размышления прошедшей ночи.

Наиболее полно это свойство детской природы раскрывается после потери рубля:

«А в сердце проснулся кто-то и громко сказал:

– Это за то, что ты Бога думал надуть, несвячёным куличом семью накормил!

И в голове проснулся кто-то другой и утешил:

– Если Бог наказал тебя, значит, пощадил семью. За одну вину двух наказаний не бывает» [1, с. 203].

Противоречивость мыслей ребёнка передана несколькими репликами, но отражает глубокую жизненную мудрость – всё взаимозаменяемо, и потери чередуются с обретениями, а в любой ситуации следует искать положительные моменты.

Кроме того, важно помнить – для любого ребёнка самым важным, самым ценным в жизни является семья. Мальчик опасался, что расплатой за его личные грехи станет наказание для всей семьи, но чувство справедливости подсказывает ему, что возмездие должно коснуться его одного.

Потеряв рубль, юный герой «облегчённо вздыхает» и «ухмыляется» – он «расквитался своими боками» [1, с. 203]. Такое событие, как утрата «преступного» рубля, заставляет его сделать вывод – больше ничего страшного случиться не должно, отмщение не затронет никого из членов семьи.

Рассказ заканчивается словами: «Мал я был и глуп» [1, с. 203]. Ласковая усмешка автора над своими детскими, наивными мыслями вызывает улыбку и у читателя. Каждый человек, вырастая, удивляется проблемам, которые заботили его в детстве и юности, – какие-то пустяки казались сверхважными, небольшие затруднения представлялись глобальными препятствиями. Аверченко подчёркивает финалом своего рассказа – сложности, доведённые до невероятных масштабов в детском воображении, тем не менее, преодолеваются благодаря жажде жизни и счастья. Ребёнок подсознательно стремится к гармонии и душевному равновесию, ищет способы – весьма изобретательно – преодолеть любые препятствия на этом пути.

Подводя итоги сказанному, можно сделать заключение, что система образов рассказа «Кулич» включает в себя главного героя и его отца, прототипами которых явились Аркадий Тимофеевич и Тимофей Петрович Аверченко, а также второстепенных персонажей (друзей главного героя), «списанных» с детских приятелей автора.

Кроме того, данный рассказ следует признать автобиографическим, поскольку в нём упоминаются многие реалии быта Севастополя 1880-х–1890-х годов – города, в котором родился и провёл детство автор. В рассказе мы можем найти имена друзей А. Т.

Аверченко, названия церквей и улиц Севастополя, а также описание тех особых взаимоотношений, которые царили между ребятами и оборачивались постоянными драками и соперничеством.

В числе особенностей авторского идиостиля здесь может быть названо использование многочисленных фразеологизмов и просторечных выражений. Смешиваясь, они образуют текст, главными свойствами которого являются лаконичность, характерная для журнальных рассказов, экспрессивность и образность, необходимые для создания комического эффекта. Сочетания слов, представленные в виде авторских афоризмов, также придают произведению юмористическую направленность.

Вопросы, затронутые в рассказе А. Т. Аверченко «Кулич», побуждают читателя задуматься о серьёзных нравственно-философских проблемах. Это взаимоотношения между детьми и взрослыми; способность ребёнка пойти на обман и, в то же время, его готовность искренне раскаяться в этом; его стремление жить в гармонии с собой и миром. Размышления об этом представлены во многих произведениях русской литературы – в частности, в автобиографических трилогиях Л. Н. Толстого и М. Горького.

Итак, в заключение мы ещё раз хотим подчеркнуть: на сегодняшний день подробный, всесторонний анализ рассказов А. Т. Аверченко является, на наш взгляд, весьма перспективным направлением в области научных исследований. Большой интерес при этом представляют не только разнообразные способы репрезентации комического, но и система образов в рассказах писателя, их автобиографическая составляющая и историко-культурная направленность.

Пристальное рассмотрение конкретных произведений А. Т. Аверченко, безусловно, может способствовать и популяризации его творчества, привлечению внимания к его наследию со стороны широкого круга читателей.

Список использованных источников

1. Аверченко А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. 544 с.

2. Аверченко А. Т. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Рай на земле. М.: «Дмитрий Сечин», 2014. 448 с.
3. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Петрозаводск: Карелия, 1970. 567 с.
4. Коротких А. В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: дисс. ... канд. филолог. наук. Южно-Сахалинск, 2002. 237 с.
5. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М.: Русский путь, 1999. 552 с.
6. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М.: Русские словари; Астрель, 2001. 856 с.
7. Миленко В. Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. 327 с.
8. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / Фразеология в контексте культуры. М.: 1999. С. 13–24.
10. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. – М.: Правда, 1981. 496 с.
11. Шанский Н. М. Фразеологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2002. 368 с.
12. Шмелёв И. С. Избранное. М.: Правда, 1989. 686 с.
13. Язык и стиль СМИ: учеб. пособие / сост. К. И. Шарафадина. СПб.: СПбГУП, 2016. 228 с.

**A. T. AVERCHENKO'S STORY "EASTER CAKE" FROM
THE COLLECTION "CHILDREN"**

Salova Olga Ilinichna,

*Applicant of department of the Russian literature of the XX
century*

Moscow state regional university

(Moscow, Russia);

e-mail: savi85@yandex.ru

In article the figurative system of the story of A. T. Averchenko "Easter cake", his interrelation with the biography of the author is considered, the art means used by the writer for creation of comic effect come to light. Parallels with situations from works L.N. Tolstoy and M. Gorky are drawn.

Keywords: *A. T. Averchenko, story "Easter cake", children's images, autobiographical story, comic effect, phraseological unit.*

References

1. Averchenko A. Small collected works. SPb.: Alphabet; Azbuka-Attikus, 2014. 544 pages.
2. Averchenko A. T. Collected works: in 13 t. T. 12. Paradise on the earth. M.: "Dmitry Sechin", 2014. 448 pages.
3. Gorkyi M. Detstvo. In people. My universities. Petrozavodsk: Karelia, 1970. 567 pages.
4. Korotkih A. V. Children's images in Sasha Cherny, A. Averchenko and Taffy's comic prose. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002. 237 pages.
5. Levitsky D. A. Life and career of Arkady Averchenko. M.: Russian way, 1999. 552 pages.
6. Melerovich A. M., Mokiyenko V. M. Phraseological units in the Russian speech: Dictionary. M.: Russian dictionaries; Astrel, 2001. 856 pages.
7. Milenko V. D. Arkady Averchenko. M.: Molodayagvardia, 2010. 327 pages.
8. Ojegov S. I. and Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian / Russian AN. M.: AZ, 1996. 928 pages.
9. Thalia V. N. Priorities and methodological problems of a research of phraseological structure of language in the context of culture / Phraseology in the context of culture. M.: 1999. Page 13-24.
10. Tolstoy L. N. Childhood. Adolescence. Youth. – M.: Pravda, 1981. 496 pages.
11. Shansky N. M. Phraseological dictionary of Russian. M.: Drofa, 2002. 368 pages.
12. Shmelyov I. S. Favourites. M.: Pravda, 1989. 686 pages.
13. Language and style of media: studies. benefit / соct. K. I. Sharafadina. SPb.: 2016. 228 pages.